

Философия. История философии

УДК 130.121

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-12-21

Феноменология чтения: квази-телесность языка как основание традиции

Евгения А. Шестова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; eschestova@gmail.com*

Аннотация. В статье работа языка рассматривается из перспективы феноменологии чтения. Письменный текст и его чтение понимаются как основное средство передачи смысла в ходе специфической коммуникации в пространстве текста.

В качестве отправной точки берется гуссерлевское понимание трансляции смысла как традиции, представленное в «Начале геометрии». В статье указывается на парадоксы, которыми отмечена такая трактовка традиции: 1) как значению придается всевременность с помощью историчного и фактичного языка; 2) как происходит ре-активация смысла, который еще не был доступен нам в опыте, не был произведен активно.

Для разрешения этих парадоксов продуктивным толчком становится концепция телесности языка, предложенная М. Мерло-Понти. Она дает основание для «вчувствования в культуру» и позволяет проследить взаимосвязь между двумя составляющими проблематики традиции, которые Гуссерль рассматривает отдельно: это вопрос о выражении смысла посредством языка и вопрос об intersубъективности. Привлечение измерения телесности и сопутствующих моментов гуссерлевской концепции intersубъективности продуктивно при описании даже тех случаев коммуникации, когда живого присутствия как такового нет.

Ключевые слова: Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, чтение, традиция, коммуникация, телесность

Для цитирования: Шестова Е.А. Феноменология чтения: квази-телесность языка как основание традиции // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-12-21

Phenomenology of reading. The quasi-corporeality of the language as the basis of tradition

Evgeniya A. Shestova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; eschestova@gmail.com*

Abstract. The paper considers a language functioning from the prospective of phenomenological analysis of the reading. It identifies the written text and its reading as the main means for conveying meaning through the peculiar communication within the text space.

The starting point of the research is Husserl's interpretation of the tradition (as the meaning translation) explained in "Origin of Geometry". The article mentions the implicit paradoxes of Husserl's interpretation: 1) how the meaning becomes 'omnitemporal' through its expression in the historical and actual language; 2) how the re-activation of meaning, which was not yet intelligible to us in experience, was not actively carried out.

An idea of the corporeality gestural language proposed by M. Merleau-Ponty could be efficient to resolve those paradoxes. That idea grounds the concept of the "cultural empathy" and allows to trace the relationship between the two components of the tradition issue, taken by Husserl separately: the question of the language expression of the meaning, and the issue of intersubjectivity. Involving the measurement of corporeality and related aspects of the Husserl's concept of intersubjectivity is productive in describing even those cases of communication when there is no living presence as such.

Keywords: E. Husserl, M. Merleau-Ponty, reading, tradition, communication, corporeality

For citation: Shestova, E.A. (2019), "Phenomenology of reading. The quasi-corporeality of the language as the basis of tradition", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-12-21

В этой статье мы хотели бы исследовать, как работает язык, из перспективы феноменологии чтения. Нашей отправной точкой будет вопрос о письменном тексте и его чтении как о способе реализовать традицию в самом широком смысле этого слова: передать смысл в ситуации, когда нет прямого взаимодействия человека с человеком, нет «присутствия вживе». В то же время мы рассматриваем традицию в ее осуществлении как длящийся процесс передачи смыслов внутри человеческого сообщества. Иными словами, для нас чтение будет все же коммуникацией, но коммуникацией особого рода.

При этом мы хотели бы избежать двух крайностей. С одной стороны, чтение – это не просто некоторая разновидность диалога, в котором разговор ведется не голосом, а посредством знаков. Неверно будет понимать «коммуникацию» в чтении как беседу со стоящим за текстом реальным автором – в том числе и потому, что автор не предполагает беседу с каждым из читателей лично. И здесь мы, конечно, учитываем критику в адрес Гуссерля, которую высказывает в «Голосе и феномене» Деррида, говоря о фоноцентричности феноменологического понятия языка и о том, что гарантом смысла для нас выступает присутствие – в разных смыслах этого слова¹. С другой стороны, мы не хотели бы следовать уже найденным структуралистскими и постструктуралистскими путями и говорить о смерти автора и читателя, о самостановящемся и в значительной степени анонимном измерении языка или текста.

В статье мы будем использовать приставку «квази-» – собственно, она встречается уже в заглавии, – чтобы обозначить, что мы говорим не об авторе и читателе как конкретных людях. В то же время автор и читатель для нас – не просто эффекты, порождаемые текстом. Мы считаем (и попытаемся описать это), что акт чтения включает в себя коммуникацию с автором как структурный момент этого акта, что автор получает неотъемлемое квази-присутствие в тексте, которое не стоит сводить к иллюзии.

Двигаясь в рамках феноменологической традиции, в своем рассмотрении мы будем отталкиваться от гуссерлевского «Начала геометрии» – текста, который скорее обозначает проблему, чем разрешает ее. Мы полагаем, что продуктивную феноменологическую разработку темы чтения/традиции как коммуникации дает Морис Мерло-Понти, и поэтому мы будем во многом опираться на его работы о феноменологическом анализе языка: неоконченную книгу «Проза мира» и доклад 1951 г. «О феноменологии языка» из сборника «Знаки».

¹ См., например: «“Кажущаяся трансценденция” голоса, таким образом, происходит из того факта, что означаемое, которое всегда идеально по своей сущности, “выражаемая” *Bedeutung*, непосредственно присутствует в акте выражения <...> Живой акт, жизнедающий акт, *Lebendigkeit*, который оживляет тело означающего и трансформирует его в наполненное значением выражение, в душу языка, как будто не отделяет себя от себя, от своего собственного самоприсутствия» [Деррида 1999, с. 103–104].

*Выражение и интерсубъективность.
«Вчувствование в культуру»*

В «Начале геометрии» Гуссерль задается вопросом о том, как сочетается единство традиции и ее историческая реализация; «всевременность» идеальных сущностей и их существование в ходе истории. При этом упор он делает на первую часть этих оппозиций: его интересует *начало* традиции (как одной традиции, имеющей единый – не исторический, а сущностный – исток) и сохранение этого начала. И уже тут Гуссерль предлагает столь же понятный, сколь и парадоксальный ход: выведение смысла из сферы психологической в сферу идеальности и всевременности происходит через его закрепление в языке, который дает читателю возможность реактивировать смысл.

Точнее сказать, Гуссерль обозначает парадокс, и даже не один, а два, связанных друг с другом. Парадокс первый: как нечто идеальное, то есть по замыслу своему всевременное, закрепляется и передается благодаря историческому, фактическому, меняющемуся языку? Гуссерль, как правило, пытается обойти эту проблему, указав на необходимость «прояснения» языка. Но не было еще ни одной традиции, в которой удалось бы избежать возобновляемого вновь и вновь спора о терминах.

Парадокс второй: парадокс ре-активации. Находясь в рамках традиции, мы должны реактивировать смысл, который сами не произвели активно. Гуссерль сравнивает работу традиции с работой памяти, сопоставляя «понимание вослед другому пониманию» (*nachverstehen*) с повторным воспоминанием (*wiedererinnern*), припоминанием [Гуссерль 1996, с. 220]. Получается, что традиция требует от нас вспомнить то, чего лично мы еще никогда не пережили, но этот опыт пережил некто до нас (автор). Посредством языка нам передается прежде всего не сам этот опыт (который я еще только должен пережить как свой), но возможность этого опыта. Автор, таким образом, выступает своего рода «гарантом возможности» опыта – или по крайней мере притязает на это.

Гуссерль делает важное замечание: языковое понимание создает «общающееся сообщество» (*Mitteilungsgemeinschaft*) как «вчувствующееся и языковое сообщество» [Гуссерль 1996, с. 220]. Ключевое выражение здесь, на наш взгляд: «вчувствующееся сообщество». Именно оно, полагаем мы, может позволить свести воедино проблематику выражения смысла и интерсубъективности.

Вчувствование (*Einfühlung*) – один из ключевых терминов Пятой Картезианской медитации Гуссерля. Благодаря вчувствованию мы идентифицируем среди множества предметов мира людей. Их действия, их живая телесность подобны моему собственному

телу и моим телесным действиям, поэтому, проводя аналогию, я понимаю другого как подобного мне, как *alter ego*. Так я понимаю себя как первое и одно из множества схожих существ (как минимум нас двое, пара – *ego* и *alter ego*), а следовательно, осознаю не просто фактическое, но трансцендентальное существование человеческого сообщества и общую человеческую причастность к нему. Возможно, говорит Гуссерль мимоходом, и вчувствование

...в определенные образования психической сферы более высокого порядка. Они тоже проявляют себя телесно и в телесном поведении во внешнем мире, например во внешнем выражении поведения гневающегося, радующегося и т. п. вполне понятным образом, исходя из моего собственного поведения при сходных обстоятельствах [Гуссерль 2010, с. 154].

Такие выражения Гуссерль в «Логических исследованиях» называл «знаками-признаками», чтобы исключить выражение эмоций из сферы собственно языковой коммуникации. Выражение эмоций явно связано с телесностью, но не позволяет нам выйти к выражению смысла. Очевидно, под «вчувствующимся сообществом» как несущей основой традиции в «Начале геометрии» подразумевается нечто иное, связанное именно с языком как способом передачи смысла. Но как язык становится основой вчувствования? Работает ли он так же, как телесность, провоцируя создание аналогии?

Упомянув о «вчувствовании» в культурное сообщество один раз в «Начале геометрии» и один раз в «Картезианских медитациях»², Гуссерль тем не менее раз за разом описывает понимание, традицию и передачу смысла как происходящие словно бы без какого бы то ни было взаимодействия людей, непосредственного или опосредованного. И напротив – при анализе интерсубъективного измерения все связанные с Другим смыслы возникают при контакте с ним как с живым телом – а существование языка Гуссерль просто не учитывает. Это можно объяснить методическими целями: гуссерлевский аналитический подход нацелен на выделение того или иного опыта в его «чистоте», что часто требует дополнительной методической редукции.

Нам, однако, кажется, что изоляция друг от друга этих двух проблем упускает довольно большую часть работы языка. Мы считаем, что расширенный концепт «вчувствования» позволит объединить

² «Мне и разделяющим мою культуру она доступна только в виде *опыта чужого* в некотором *вчувствовании* в чужое объединение людей в культуре и в культуру этого объединения» [Гуссерль 2010, с. 172].

две эти проблемные области и посмотреть на язык в его коммуникативной функции: при этом не сводя коммуникацию только к случайным обстоятельствам.

Квази-телесность языка как среда вчувствования

Автор, который предлагает нам феноменологическую трактовку работы языка через «телесность», – это Морис Мерло-Понти, и мы хотим из этой перспективы рассмотреть выделенные у Гуссерля парадоксы традиции: парадокс соотношения всевременности и историчности идеальных смыслообразований и парадокс ре-активации. Каковы, на наш взгляд, важные тезисы Мерло-Понти.

Во-первых, он понимает язык не как инструмент выражения, но как среду, в которой происходят «смыслообразование и смыслооседание», – язык, собственно, и есть главная человеческая традиция, основа всех традиций. Более того, невозможно провести границу между уровнем языковым и смысловым: языковая среда – это среда явления смыслов, которые не могут явиться без языка, но в то же время не могут быть и сведены к языковым единицам или структурам, поскольку несут возможность смыслового сдвига. В смыслообразовании – мы еще вернемся к этому – всегда есть момент негативности по отношению к уже существующим смыслам.

Во-вторых, Мерло-Понти изначально рассматривает язык в его коммуникативной функции – в широком смысле слова. Выражение всегда уже подразумевает его возможное восприятие, даже если – как книга – не адресовано кому-то конкретному. В письме профессору Марсиаю Геру в 1952 г. Мерло-Понти прямо говорит о «коммуникации в литературе», в которой автор не просто передает свои мысли: «коммуникация пробуждает эти значения в моем разуме, используя приманки и всякого рода обходные пути» [Merleau-Ponty 1969, p. IV]. Эти обходные пути пробуждения значений и представляются нам наиболее интересными.

Третий важный момент: Мерло-Понти не проводит границу между языком и другими способами выражения. Язык он рассматривает как внешний уровень телесности, как специфический жест живого тела. Так понятие «вчувствования» как «культурного вчувствования» обретает свой смысл: я могу вчувствоваться не только в живое тело другого, но и в его «языковое тело», увидев в нем своеобразную квази-телесность. «Речь есть жест, а ее значение – это мир», – пишет Мерло-Понти уже в «Феноменологии восприятия» [Мерло-Понти 1999, с. 241].

Если на этих основаниях пересмотреть гуссерлевскую концепцию языка и ее ключевые моменты – значение, интенцию придания значения, исполнение этой интенции, – то можно яснее, как мне кажется, увидеть и феноменологически описать процесс передачи значения, в том числе и в рамках традиции (поскольку «языковой жест» не требует обязательного живого присутствия другого).

В одной из глав «Прозы мира», которая называется «Наука и опыт выражения», Мерло-Понти говорит, что введенное им в «Феноменологии восприятия» различие речи проговоренной и речи говорящей существует и при чтении – причем в роли «речи говорящей» выступает здесь книга. Я провожу аналогию между собой и автором книги на основании того, что мы пользуемся одним языком, но эта языковая аналогия позволяет мне сделать то, чего не позволяет аналогия живой телесности: отчасти встать на место другого. Для Гуссерля одна из важнейших характеристик «живого тела» – невозможность того, что два тела займут одно и то же место в пространстве: если я нахожусь «здесь», то другой всегда находится где-то «там». Однако «телесность» языка отличается от телесности обычного тела. Мерло-Понти использует для его описания христианский термин «прославленное тело» (заимствуя его у Фомы Аквинского) [Merleau-Ponty 1969, p. 21]. И такого рода тела как раз могут находиться одновременно в одном месте, пересекаясь в языковом «пространстве». Автор встраивается в мой мир, но тем самым – за счет постепенного сдвига значений – и я оказываюсь встроен в его мир.

Здесь важен момент переплетения активности и пассивности, который отмечает Мерло-Понти: «я получаю и отдаю в одном и том же жесте» [Merleau-Ponty 1969, p. 18]. Чтобы понять другого, я должен отчасти отказаться от своей позиции: не полагать другого как своего *alter ego*, но самому стать *alter ego* этого – воображаемого – другого. «Они [слова] благодаря нам, а мы благодаря им, становимся речью, разом голосом и эхом» [Merleau-Ponty 1969, p. 17]. Я должен впустить автора в себя, чтобы позволить ему изменить мою языковую телесность. Среда языка – это среда «общей» телесности, в которой различие «Я – другой» не будет бинарным, а взаимодействие происходит во многом как трансформация этого диффузного Я.

Знаки при этом не передают единичные смыслы, а скорее служат точками триангуляции в подвижном языковом пространстве, где соответствующим образом смещаются и переопределяются смыслы. Покрытию (*Deckung*)³ [Гуссерль 1996, с. 219], совпадению

³ Показательно, что Гуссерль использует это слово, которое, как подчеркивает переводчик М. Маяцкий, имеет «значение обеспечения (как,

«значения слова» и «значения смыслопроизводящего акта», о котором Гуссерль пишет как об очевидности смысла, предшествует обнаружение сдвига, зазора между существующим у меня смыслом и тем, который я пытаюсь понять. Таким образом, понимание вослед другому пониманию происходит как изменение собственно-го, уже имеющегося понимания и на основании этого понимания. Ре-активация – это не просто повторение прошедшего прошлого, закрепленного в языке, не просто совпадение «прошлого» и «настоящего» значения.

Интенция как притязание на смысл

Что вообще открывает возможность этой ре-активации, активного понимания вослед чужому пониманию? В «Начале геометрии» Гуссерль делает еще одно интересное и несколько темное замечание: что вместе с высказыванием должен передаваться и метод, способность, так сказать, «дешифровать» утверждение – с тем, чтобы вернуться к акту смыслообразования [Гуссерль 1996, с. 227]. Метод может передаваться в случае традиции геометрии или даже философии, но что делать, например, с литературой? Мы полагаем, что в наиболее общей форме этот «метод» заложен в самой структуре языка. Именно это описывает Мерло-Понти в своем докладе «О феноменологии языка» 1951 г.: возвращаясь к терминологии раннего Гуссерля, он дает детальный анализ того, как происходит смещение смысла.

В этом докладе Мерло-Понти описывает структуру слова-жеста так: слово и его значение соотносятся друг с другом так же, как жест и цель, на которую он направлен, и потому значение – это прежде всего то, что «вызывает у меня намерения» [Мерло-Понти 2001, с. 101]. То, в данном случае, до чего я пытаюсь дотянуться и что пытаюсь закрепить с помощью слова.

То есть слово передает не значение, а интенцию придания значения. Речь не о том, чтобы известить об имевшем место акте придания значения, а о том, что написанное слово провоцирует читателя на акт придания значения. Значение не вложено в слово как некое содержимое, а намечено в нем как цель – как нехватка, которую читатель должен восполнить. Соответственно, слово имеет как бы два смысловых аспекта: «положительный», который позволяет ему существовать в языковой среде и занимать там определенное место, и «отрицательный» – обозначение зазора между «сказанным

например, покрытие векселя, чека, потребностей)» [Гуссерль 1996, с. 219]. Мы получаем значение не как наличное, а как обещанное, как притязание, которое мы еще должны исполнить.

словом» и «говорящим словом», между готовым смыслом и значением смыслопридающего акта. Положительный аспект смысла направляет понимание читателя, очерчивает границы «нехватки», отрицательный – требует произвести значение самостоятельно. И это значение-цель – уже данное, но еще не достигнутое, обещанное, но данное в направленности на него, имеет особую темпоральность. Оно относится не к прошлому (был акт придания значения, который прошел и закреплён в слове) и не к настоящему (значение всегда актуально или исполняется сейчас) – а к будущему. Мерло-Понти предлагает для описания этой темпоральности французский грамматический термин *futur antérieur* [Merleau-Ponty 1988, p. 71] – перфект в будущем, действие, которое будет завершено к какому-то моменту в будущем. Так он описывает, с одной стороны, отнесенность исполнения смысла в будущее, с другой – существующее во всяком смысле обещание завершенности.

* * *

Таким образом, дополнение феноменологии выражения феноменологией чтения позволяет внимательнее исследовать функционирование традиции и предложить разрешение намеченных Гуссерлем парадоксов. Привлечение измерения телесности и сопутствующих моментов гуссерлевской концепции интерсубъективности продуктивно при описании даже тех случаев коммуникации, когда живого присутствия как такового нет. Это позволяет описать механизм движения традиции: что в ней дает возможность трансляции значений, какого толка эта трансляция и какова темпоральность основного акта «традирования», акта ре-активации.

Рассмотрение языка как уровня телесности, идея выражения-жеста позволяет определить специфику коммуникативного измерения, в котором и происходит работа понимания. В нем понятие «вчувствования» описывает ту двойственность пассивно-активного понимания, которая отличает коммуникацию от предполагаемой передачи значений, и показывает, почему эта двойственность работает даже тогда, когда у нас нет непосредственного общения с живым другим. В чтении мы встречаемся с языковой квази-телесностью автора, а точнее должны быть готовы поставить под вопрос себя и свое понимание и вступить в работу со смыслами в пространстве пронцаемой языковой телесности.

Идеальность смысла закрепляется в историчном языке, но не сковывается им, не захватывается фактичностью полностью, поскольку всегда сохраняется зазор между смыслом и языком (как речью говорящей и речью проговоренной). Смысл не может явиться иначе, как в языке, но сама структура слов языка при феноменологическом рассмотрении обнаруживает свою двойственность.

Слово закрепляет не значение, а интенцию придания значения, оно требует от читателя исполнения этой интенции.

Соответственно, и традиция – это не просто передача смысла из прошлого в будущее, а ре-активация – это не повторение прошлого в настоящем, это попытка исполнить притязание на смысл, воплотить обещанное будущее. Поэтому смысл не закреплен за настоящим, он обещан прошлым и направлен в будущее.

Литература

- Деррида 1999 – *Деррида Ж.* Голос и феномен // Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб., 1999. С. 9–137.
 Гуссерль 1996 – *Гуссерль Э.* Начало геометрии. М., 1996. С. 210–245.
 Гуссерль 2010 – *Гуссерль Э.* Картезианские медитации. М., 2010.
 Merleau-Ponty 1969 – *Merleau-Ponty M.* La prose du monde. Paris, 1969.
 Мерло-Понти 1999 – *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999.
 Мерло-Понти 2001 – *Мерло-Понти М.* О феноменологии языка // Мерло-Понти М. Знаки. М., 2001. С. 44–94.
 Merleau-Ponty 1988 – *Merleau-Ponty M.* Notes de cours sur L'origine de geometrie de Husserl. Paris, 1988.

References

- Derrida, J. (1999), "Speech and phenomena", in: Derrida J., *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlya* [Speech and phenomenon and other works on the theory of the sign of Husserl], pp. 9–137, St. Petersburg, Russia.
 Husserl, E. (1996), *Nachala geometrii* [Origin of the Geometry]. Moscow, Russia.
 Husserl, E. (2010), *Kartezianskie meditazii* [Cartesian meditations]. Moscow, Russia.
 Merleau-Ponty, M. (1969), *La prose du monde*. Paris, Fr.
 Merleau-Ponty, M. (1999), *Phenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Saint-Petersburg, Russia.
 Merleau-Ponty, M. (2001), *O fenomenologii yazyka* [On the phenomenology of language], in: Merleau-Ponty M. *Znaki* [Signs], Moscow, Russia.
 Merleau-Ponty, M. (1988), *Notes de cours sur L'origine de geometrie de Husserl*. Paris, Fr.

Информация об авторе

Евгения А. Шестова, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; eschestowa@gmail.com.

Information about the author

Evgeniya A. Shestova, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; eschestowa@gmail.com.